

Интеллектуальная эволюция Владимира Брюшинкина: от теории поиска вывода к трансцендентальной логике и системной теории аргументации

Данные заметки никоим образом не претендуют на объективность и точное изложение фактов. Задачу, которую я перед собой здесь поставил — феноменологически выразить некоторую сложившуюся у меня когнитивную модель, или мой «образ мира», Владимира Брюшинкина и моих отношений с ним.

Владимир Никифорович был на несколько лет старше меня, и так получалось, что мы следовали с ним параллельным курсом научных исследований, точнее — в своем развитии я как бы повторял те изменения в области научных интересов, которые чуть раньше он совершал. Тем самым В. Брюшинкин был как бы «ведущим», а я, сам того не осознавая, следовал за ним, повторяя траекторию его интеллектуального развития. Причем это не было результатом его прямого влияния, а свидетельствует, как мне кажется, о некотором средстве наших душ. Попробую раскрыть это чуть подробнее.

Мое знакомство с ним состоялось заочно. Учась вслед за ним на философском факультете, я выбрал научную специализацию по кафедре логики, и мой научный руководитель Владимир Александрович Смирнов предложил мне заняться теорией поиска вывода: разделом логики, занимающимся анализом логических доказательств с целью выявления их структуры и способов построения и создания на этой основе автоматических (машинных) алгоритмов. Именно тогда я впервые и услышал о Владимире Никифоровиче, который несколько ранее также выбрал данную область и попытался разобраться с теорией дистрибутивных нормальных форм Я. Хинтикки.

Правда, в отличие от В.Н. Брюшинкина, я стал разбираться с обратным методом С.Ю. Маслова, а наш общий научный руководитель В.А. Смирнов охарактеризовал тогда подходы Хинтикки и Маслова как наиболее интересные подходы (альтернативы) к теории поиска вывода (доказательства), первый из которых базировался на семантических таблицах, а второй — на исчислении секвенций.

Вскоре состоялось и наше личное знакомство, когда Владимир Никифорович на одном из «смирновских» семинаров в секторе логики ИФ РАН рассказывал о техническом аппарате дистрибутивных нормальных форм, а я, будучи студентом, силился понять сложную хинтикковскую технику. Со своей стороны, хотя это было уже позже, я попробовал объяснить Владимиру Никифоровичу «технику» масловского обратного метода, и мы сошлись на том, что хотя оба этих подхода достаточно сложны для понимания, но мы сумели разобраться в их техниках. Конечно, речь идет скорее об идейном понимании данных концепций, что, собственно, и отличает *философскую* [формальную] *логику* от чисто математического аппарата этих теорий. И финские ученики Хинтикки, и питерские коллеги Маслова несомненно знают математическую технику этих теорий значительно лучше, чем мы с Владимиром Брюшинкиным.

Далее в течение нескольких лет мы не поддерживали с Владимиром Никифоровичем тесных отношений, хотя, конечно, встречались на логиче-

ских семинарах и конференциях. Каково же было мое удивление, когда в сборнике соросовских лауреатов (1994) рядом со своей статьей я увидел статью В. Брюшинкина «Трансцендентальная модель интеллекта: моделирование рассуждений». Причем обе статьи оказались посвящены уже не чисто логической, а более философской проблематике.

Конечно, значимость наших статей была несопоставима. Если для меня моя работа стала одной из первых значимых философских публикаций, то Владимир Никифорович к этому времени успел написать очень интересную монографию «Логика, мышление, информация» (1988), которая легла в основу его докторской диссертации, и подготовить прекрасный учебник по логике для гуманитариев (1994), в котором содержался ставший хрестоматийным пример рассуждения про «гангирующие эпуз и фемин».

Не буду приводить полный список остальных научных достижений Владимира Никифоровича: к этому времени он стал уже известным ученым, переводчиком философской классики и одним из лидеров российской философии. Здесь я хотел бы обратить внимание на важный для его интеллектуальной биографии поворот к Канту.

С чем он был связан? Конечно, с его преподавательской и научной деятельностью в стенах кёнигсбергского университета (Балтийского федерального университета им. И. Канта), в городе, где в свое время жил и творил Кант и который пропитан кантовским духом. Однако мне представляется, что не менее важной [внутренней] причиной для этого поворота были брюшинкинские штудии Хинтикки, одна из работ которого, «Логика, языковые игры и информация» (1973), имела характерный подзаголовок «Кантовские темы в философии логики». Хотя возможно, что были и другие причины его кантианского поворота: напрямую об этом Владимира Никифоровича я не спрашивал.

Важно, что этот поворот от чистой (формальной) логики к философии логики, к кантовской трансцендентальной логике произошел. И поэтому не случайно появление очень значимых для логико-философской жизни России 90-х годов светлогорских семинаров по «логическому кантоведению», одним из инициаторов которых (наряду с В. А. Смирновым), организатором и душой был именно Владимир Никифорович. Чуть позже к этому движению присоединился и я, благодаря чему тоже обратился к трансцендентализму Канта, исследованием и развитием которого сейчас занимаюсь.

Вместе с тем надо заметить, что очень перспективная идея В.Н. Брюшинкина о построении формального аналога кантовской трансцендентальной логики (хотя бы на уровне силлогистики) так и не была полностью реализована. Мы не раз возвращались к этой теме на протяжении последних лет, обменивались ссылками на появляющиеся англоязычные работы по этой проблеме. Конечно, кое-что в этом направлении сделано учениками и соратниками Владимира Никифоровича, но полноценной формальной модели кантовской трансцендентальной логики до сих пор не построено.

Отчасти это связано и с тем, что в начале 2000-х в интеллектуальной эволюции Владимира Брюшинкина произошел еще один поворот, а именно его обращение к моделям рассуждения и теории аргументации. Этот поворот можно рассматривать как некоторый *синтез* (в кантовском смысле) предшествующих «логического» и «кантовского» этапов в творчестве В.Н. Брюшинкина, а развиваемую им *системную модель аргументации* — как синтез

логического, когнитивного (кантовского) и риторического аспектов, с необходимостью присутствующих в любой аргументации...

На этом закончу свои воспоминания об этом светлом и позитивном человеке, его творческом пути и интеллектуальной эволюции, поскольку мой поворот к развиваемой им системной теории аргументации пока еще не состоялся: видимо, это дело ближайшего будущего... **Светлая ему память!**

С.Л. Катречко,
канд. филос. наук, доц. кафедры философии естественных факультетов
философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова